

Владимир Безладнов

СИМБИОЗ

(пьеса без антракта)

Действующие лица:

Автору не важно, каковы, в действительности, имена действующих лиц, поэтому он использовал имена персонажей пьес, фрагменты из которых репетируют, по ходу спектакля, его героини, а именно:

«ЕЛИЗАВЕТА» и «МАРИЯ».

В пьесе использованы отрывок из поэмы А. Пушкина «Бахчисарайский фонтан», а также – сцены из пьес Ф. Шиллера «Мария Стюарт» и Л. Разумовской «Ваша сестра и пленница». (Тексты выделены шрифтом Arial).

Убедительная просьба автора к постановщикам: во всём, что происходит в пьесе на импровизированной сцене, не должно быть ни грамма иронии или попытки подчеркнуть несоответствие драматургического материала его исполнению: актрисы должны работать на самом высоком профессиональном уровне.

Сцена пуста...

Собственно говоря, слово "сцена" использовано автором, в данном случае, исключительно как дань традиции, поскольку эта пьеса может быть сыграна практически на любой площадке, и даже, при отсутствии оной, – просто на улице.

Итак, какое-то время сцена пуста. Но вот, откуда-то из глубины раздаётся резкий звук автомобильного клаксона, и на сцену медленно выползает какая-то странная, можно даже сказать – нелепая конструкция, состоящая из больничного кресла-каталки с прицепом, в виде тележки на велосипедных колесах, груженной горой самого разнообразного скарба. В кресле, едва помещаясь в нем, под большим зонтом, прикрепленным к спинке, сидит "очень большая" женщина неопределенного возраста. Ее ярко рыжие волосы уложены в совершенно немыслимую "летающую" причёску, на лице – такой же смелый, яркий и броский макияж. За ее спиной – вторая женщина. Она – полная противоположность первой: маленькая, щуплая, но, похоже, жилистая и крепкая, если принять во внимание тяжесть груза, который она везет, упорно толкая кресло-каталку перед собой. Лицо – без всякого грима, светлые волосы распущены.

Давя, время от времени, на клаксон, женщина в кресле зычным голосом выкрикивает предупреждения, успевая, при этом, махать рукой неизвестно кому, улыбаться, раскланиваться и посылать направо и налево воздушные поцелуи.

ЕЛИЗАВЕТА. Эй, вы, там!.. с дорроги!.. По-берегись!.. Осторожно!.. А ну, расступись!.. расступись!.. Давай-давай!.. Доррогу гужевому транспорту!.. (Конструкция приближается к самому краю авансцены).

А ну, стой!.. Стой!.. Тпррру!.. Осади!.. осади назад, лошадка!.. Вот так... Стоп!.. Всё. Приехали.

МАРИЯ. Ну, и зачем было орать?

ЕЛИЗАВЕТА. Реклама. Реклама, милочка. В нашем деле главное – что?.. Вовремя обратить на себя внимание.

МАРИЯ. Да какая, к лешему, реклама, если вокруг нет никого?

ЕЛИЗАВЕТА. Ты-то откуда знаешь?..

МАРИЯ. От верблюда!

ЕЛИЗАВЕТА. ...может, они за нами из окон наблюдают? Приглядываются. Оценивают. Вот посмотрят-посмотрят, а к вечеру – все, как один, и заявятся.

МАРИЯ. Ну, конечно!.. Так они и пришли...

ЕЛИЗАВЕТА. Придут, придут. Куда они, на хрен, денутся! Еще как придут!..

МАРИЯ. Ага!.. Бегом прибегут. С какой это, интересно, радости?.. Делать им больше нечего, кроме как на двух убогих пялиться!..

ЕЛИЗАВЕТА. Да?.. А почему на лилипутов публика валом валит? А?.. Ради высокого искусства?.. Как бы не так! Кайф они на этих концертах ловят. Кайф... от ощущения собственного превосходства. От полноценности собственной, понимаешь?

МАРИЯ. Хочешь сказать – мы для них...

ЕЛИЗАВЕТА. Ну, конечно. Те же лилипуты. Или еще лучше – ярмарочные уроды, которых в балаганах за хорошие деньги показывают. (*Орет*).

"Подходите, подходите!..

На наше чудо поглядите!..

Только у нас... без всякого обмана...

За маленькую денежку из вашего кармана...

Для вас, мужики!.. для ваших жен с блядьми!.. –

Женщина с бородой и шестью грудями!.."

МАРИЯ (*кричит*). Кончай!.. Кончай орать, в конце-то концов! Нечего дурь свою всему свету показывать!

ЕЛИЗАВЕТА. А что?!.. Ну, где еще эти козлы смогут увидеть вот такую вот – старую, облезлую, слепешарую Офелию?.. или – Гертрудю, блин... в полтора центнера весом... уже неспособную эти полтора центнера самостоятельно передвигать!.. Сволочи!..

МАРИЯ (*достает из тележки складной стул, садится*). Господи!.. Как же я от тебя устала!.. Как устала!..

ЕЛИЗАВЕТА. Думаешь, я безумно счастлива от постоянного общения с тобой?

Пауза.

Ну, и чего расселась? Время – деньги. Работать надо.

МАРИЯ. Подождешь! Отдышусь немного – тогда... Думаешь, мне легко? Такую тушу возить – охренеть можно!

ЕЛИЗАВЕТА. Терпи, коза, а то мамой будешь! Хорошего человека много должно быть.

МАРИЯ. Это ты-то хороший человек?

ЕЛИЗАВЕТА. А кто же еще? Ты, что ли? Да из тебя же злоба фонтаном брызжет.

МАРИЯ. С кем поведешься...

ЕЛИЗАВЕТА. Ну, так и не водилась бы.

МАРИЯ (*махнув рукой*). А-а... разговаривать с тобой!..

Она встает, подходит к тележке, достает из нее ведерко с кистью, свернутую в трубку афишу, идет в направлении портала. И только сейчас мы замечаем, что она обвязана за талию веревкой, другой конец которой привязан к коляске.

ЕЛИЗАВЕТА. Нет, ты подожди!.. Ты скажи... ты объясни мне, на кой, спрашивается, черт я тебя тогда из твоего инвалидного дома вытащила?!.. И какого черта ты за мной пошла?.. Сидела бы там... в своей слепошарой компании... собирала бы розетки да выключатели... Тихо, спокойно... Что еще в жизни нужно?.. Так ведь нет! Поперлась!.. Я тебя заставляла, да?.. Нет, ты скажи, скажи: я тебе что – золотые горы обещала?.. (*Перехватывает веревку*). Да осторожней, ты! Стену лбом прошибить собралась?..

МАРИЯ. Ты тогда обещала, что мы деньги на операцию заработаем. (*Нащупывает стену, начинает мазать ее клейстером*).

ЕЛИЗАВЕТА. А чем мы с тобой, по-твоему, все эти годы занимаемся?.. Правее!.. Еще правее!.. Вот так... Ну, как лепишь... как лепишь, чучело!.. Ведь вверх ногами лепить собралась!.. Хоть бы спросила!..

МАРИЯ. А кто мне ее вверх ногами скручивал? Разве не ты?..

ЕЛИЗАВЕТА. Переверни!.. Глаза бы мои на тебя не глядели...

МАРИЯ. Мои на тебя, слава Богу, вот уже десять лет не глядят. С того самого дня. С того самого пожара. Глаза не глядят, еще бы и уши не слышали...

Приклеив афишу, она возвращается к тележке, достает из нее и складывает рядом, в определенном порядке, несколько алюминиевых труб, сварных металлических крестовин, свернутых в рулоны ярких кусков ткани. Взяв в руки пару труб и крестовин, она отсчитывает от кресла-каталки определенное количество шагов.

МАРИЯ. Здесь?

ЕЛИЗАВЕТА. Здесь.

МАРИЯ. Фиксируй!

«Елизавета» натягивает веревку, закрепляет ее на спинке кресла, и «Мария», пользуясь веревкой, как циркулем, начинает, отсчитывая шаги по дуге, сооружать из приготовленных деталей конструкцию, представляющую собой своего рода обрамление полукруглой сценической площадки, декорированное яркими занавесками. Судя по тому, как ловко она с этим справляется, можно сделать вывод, что работа эта ей давно не в новинку, поскольку процесс доведен почти до автоматизма.

ЕЛИЗАВЕТА (оглядываясь на тележку). Отцепи меня. Помогу.

МАРИЯ. Да сиди уж... помогальщица! От тебя, как от балласта, больше пользы. Нет, вру: как от якоря. И не елозь взад-вперед! На тормоз телегу свою поставь!

ЕЛИЗАВЕТА. Ну, тогда дай магнитофон. Распоемся. Распеваться и во время работы можно. Так сказать, приятное с полезным...

МАРИЯ. Подождешь. Смонтирую до прицепа, тогда.

Пауза, во время которой, «Мария» выгораживает декорацию до половины площадки, затем отцепляет тележку от кресла и откатывает ее вглубь. Достает из тележки складной столик и портативный магнитофон. Отдает магнитофон «Елизавете», расставляет перед креслом столик.

МАРИЯ. Держи!

«Елизавета» включает магнитофон, и они начинают, под фонограмму, петь распевочные упражнения; при этом, «Мария» продолжает выгораживать декорацию, а «Елизавета», в нужные моменты, включает и выключает магнитофон. Время от времени, они обмениваются короткими репликами.

МАРИЯ. Что сегодня играем?

ЕЛИЗАВЕТА. Всё.

МАРИЯ. Не поняла.

ЕЛИЗАВЕТА. Отрывки из обрывков.

МАРИЯ. Чего?..

ЕЛИЗАВЕТА. Ну, считай что у тебя сегодня бенефис.

МАРИЯ. А-а... теперь понятно. А что поём?

ЕЛИЗАВЕТА. Тоже всё.

МАРИЯ. С чего начнем?

ЕЛИЗАВЕТА. Как обычно. С «Дороги». *(Включает магнитофон).*

МАРИЯ, ЕЛИЗАВЕТА *(поют).*

И правда есть, и ложь
 В дороге, по которой ты идешь:
 Ты видишь цель, бредешь к ней днём и ночью...
 Но бывает, что она
 Не ясна и не видна –
 И тогда, подобно прочим,
 Ты опустишь долу очи,
 Словно в том твоя вина.

Дорога тяжела:
 Ни дома нет, ни своего угла,
 Протерлась обувь, и в карманах пусто.
 И в дороге можешь ты
 Растерять свои мечты,
 Расплескать большие чувства,
 Но спасет тебя искусство
 От душевной пустоты.

В нём и любовь, и мечты.
 В нем творческий огонь
 Неудержим.
 Неудержим!
 Только оно превратить
 Способно нас в богов.
 В творчестве – жизнь!
 Счастье и жизнь!

Не жалуйся, не ной
 Ни в лютый холод, ни в жестокий зной:
 Они – удел бродячего артиста.

Силы кончатся – не плачь,
Брось на землю старый плащ,
Сделай шаг – и ты на сцене!
И актерский труд оценит
Зритель – друг твой и палач.

Ты болен, ты разбит,
И зритель недоволен, и свистит,
Но ты опять в дороге утром ранним.
И поэтому гордись
Тем, что ты большой артист.
Не по званиям и рангам –
По твоим душевным ранам,
Заработанным в пути.

Боль пережить и восторг,
И душу обнажить –
В этом – судьба.
Наша судьба.
Нам нелегко, ну, так что ж!
Мы знаем: наша жизнь –
Это борьба.
Наша борьба!

МАРИЯ. Ты детонируешь!

ЕЛИЗАВЕТА (*возмущенно*). Что?!

МАРИЯ. Фальшивишь.

ЕЛИЗАВЕТА. Ой, не надо «ля-ля»! У меня абсолютный слух. Это мне – еще сто лет назад – сам Спиваков говорил.

МАРИЯ. А я говорю: фальшивишь! В припеве – там, где у нас двухголосье, – врешь, как сивый мерин!

ЕЛИЗАВЕТА. Да что б ты понимала!

МАРИЯ. Да кому же понимать-то, как не мне? Когда человек десять лет ни хрена не видит, у него другие органы чувств обостряются.

ЕЛИЗАВЕТА (*выключает магнитофон, достает из сумочки гримерные принадлежности*). Ладно... обостренная. Иди сюда, садись. Морду лица штукатурить будем.

Взяв стул, «Мария» подходит к столу, садится, и «Елизавета» начинает ее гримировать.

МАРИЯ. Кстати, давно спросить хотела... Я когда-то – еще в той, благословенной прежней жизни – фильм по телеку смотрела, так в нем эта песня звучала, только стихи в ней другие были.

ЕЛИЗАВЕТА. Ну, правильно. Другие. Там Калининой Татьяны стихи. Естественно – про любовь.

МАРИЯ. А эти... чьи?

ЕЛИЗАВЕТА. Да какая тебе разница, чьи?! Главное – они про нас. Те – про Паганини, а эти – точно – про нас с тобой.

МАРИЯ. Твои, что ли?

ЕЛИЗАВЕТА. А хоть бы и мои!

МАРИЯ. Те, по-моему, лучше.

ЕЛИЗАВЕТА. Да неужели?! В моих, если уж на то пошло, – какой-никакой, но смысл, а там – сплошной дамский сиропчик. Можно подумать – все проблемы у Паганини были исключительно из-за несчастной любви.

(Поёт, с отношением). «Кто подсказал

Эту музыку твоей душе?

Только любовь!

Только любовь!

Кто повторил

Тихим голосом твои слова?

Только любовь!

Только любовь!»...

МАРИЯ. Во!.. Во!.. Ну, я же говорила – детонируешь!

ЕЛИЗАВЕТА. Слушай! А тебе никогда не приходило в голову, что я, когда тебя гримирую, могу сделать из твоей физиономии все, что мне захочется?

МАРИЯ. Нет. Не приходило.

ЕЛИЗАВЕТА. А зря. *(Продолжая гримировать, рассказывает, смакуя подробности).* Одно время... это еще до твоего у нас появления было... работала в нашем театре актерская пара. Он – красавец, весь из себя этакий Герой Героич, ну, а она – при нем, так сказать... И был, значит, этот самый герой... дальтоником. И коробочка с гримом у него была особенная: под крышкой всегда бумажка лежала, разграфленная точно по ячейкам, и в каждой графе написано, в какой ячейке какой цвет и тон. В женины обязанности это входило. Так вот, завел как-то однажды этот кобеляка смазливый шуры-муры с молоденькой актрисулькой из вспомсостава. А жена – возьми, да и приревнуй! И вот – ночью, накануне премьеры, вынула

она из коробки эту самую бумажку, а вместо нее другую вложила, на которой все цвета были перепутаны: вместо зеленого, написано: «бакан», вместо голубого – «кармин», ну, и так далее... *(Взяв ее голову в ладони, пристально глядявается в лицо)*. А теперь представь себе картинку маслом: премьера... зрителей – полный зал... спектакль начался... все актеры уже на сцене... торжественный выход героя... и появляется этакое «чудо в перьях»: глаза красные, губы зеленые, а морда – вообще, бог знает, какого цвета.

МАРИЯ *(освобождаясь)*. Ой, не свисти! Так-таки никто ему ничего не сказал, пока он на сцену не вылез!

ЕЛИЗАВЕТА. Так у него ж, как у героя, гримерка была персональная. А за кулисами темно. Ну, ты же помнишь: лампочка на пульте помрежа горит, и все.

МАРИЯ. Еще бы не помнить! Да мне эта лампочка, как по расписанию, раз в неделю непременно снится: как она, вдруг, перегорает, я на сцене, свет вырубает, темнотища, и я, как слепая: не знаю, куда в темноте ползти. Представляешь? В холодном поту просыпаюсь.

ЕЛИЗАВЕТА *(значительно)*. Если сон систематически повторяется, да, к тому же, он профессиональный и страшный – это предупреждение.

МАРИЯ. Предупреждение о чем?

ЕЛИЗАВЕТА *(уклончиво)*. Ну, мало ли о чем... *(Пауза)*. Так значит, не боишься, что я сейчас из твоего миленького личика кошмарного монстра сделала? Или клоуна рыжего?

МАРИЯ. А чего мне бояться? Я-то и монстром, и клоуном могу. А вот ты у нас – «великая трррагическая актриса». Так что я могу быть спокойна: тебе на сцене нормальный партнер нужен, а не клоун коверный.

ЕЛИЗАВЕТА. А вот это – точно. *(Достает из-за спины большую, толстую книгу в твердом переплете)*. Держи! Специально для тебя в Инете выписывала. Думала на день рождения подарить. Ну, да ничего. Сегодня тоже день особый. Сегодня тоже можно.

МАРИЯ. Чем же он особый?

ЕЛИЗАВЕТА. Узнаешь скоро.

МАРИЯ. *(Осторожно раскрывает книгу, ощупывает кончиками пальцев первую страницу. Удивленно)* Пушкин?

ЕЛИЗАВЕТА. Пушкин, Пушкин. Не зря же я в тебя, бог знает, сколько времени азбуку Брайля вдалбливала. Давай-давай! Листай!.. Пора с «Курочки рябы» на более серьезную литературу переходить. Ищи «Бахчисарайский фонтан». Работать будем.

МАРИЯ. Какая страница?

ЕЛИЗАВЕТА. Откуда я знаю, какая страница. По оглавлению посмотри. Кто у нас видит пальцами? Я или ты?

МАРИЯ. Вот. Нашла.

ЕЛИЗАВЕТА. Еще парочку страниц перелистни. Ищи такой текст: «Все жены спят. Не спит одна...».

МАРИЯ (*долго ищет нужный текст*). Ага. Нашла. (*Читает медленно, с трудом*).

«Все жены спят. Не спит одна.

Едва дыша, встает она...».

ЕЛИЗАВЕТА (*перебивает*). А теперь помолчи, ладно?! Значит, так: я – Зарема, ты – Мария. Говорить только Мариин текст будешь. Все остальное – и авторский текст, и Зарему – читаю я. Следи за текстом. Если я заткнусь – подавай!

МАРИЯ. А почему это ты – и Зарему, и от автора, а я – только Марию.

ЕЛИЗАВЕТА. Да потому что, дай тебе лишний текст, так ты его полгода зубрить будешь. А я хочу показать свой монолог уже сегодня. Ну! Работаем?

МАРИЯ (*пожав плечами*). Работаем.

ЕЛИЗАВЕТА. «...Все жены спят. Не спит одна.

Едва дыша, встает она;

Идет; рукою торопливой

Открыла дверь; во тьме ночной

Ступает легкою ногой...

В дремоте чуткой и пугливой

Пред ней лежит эвнух седой...».

МАРИЯ. Кто-кто?

ЕЛИЗАВЕТА. Эвнух!.. Не понятно? Ну, евнух, понимаешь? Евнух. И нечего хихикать! Во времена Пушкина именно так говорили: «Эвнух». Бывший мужик, у которого хозяйство отчекрыжено по самое некуда... в отличие от нашего с тобой бывшего кобеля.

МАРИЯ. Чего-чего?..

ЕЛИЗАВЕТА. Ничего. Проехали. (*Читает сначала, проигрывая текст, двигаясь в коляске по площадке*).

«...Все жены спят. Не спит одна.

Едва дыша, встает она;

Идет; рукою торопливой

Открыла дверь; во тьме ночной

Ступает легкою ногой...

В дремоте чуткой и пугливой
 Пред ней лежит эвнух седой.
 Ах, сердце в нем неумолимо:
 Обманчив сна его покой!..
 Как дух, она проходит мимо...» *(замолкает, «проходя» мимо воображаемого евнуха).*

МАРИЯ *(подсказывает)*. «...Пред нею дверь...».

ЕЛИЗАВЕТА. Да знаю я! Знаю!.. Я же не просто текст долдоню. Я прожить его пытаюсь. Я работаю!
 «...Пред нею дверь; с недоумением
 Ее дрожащая рука
 Коснулась верного замка...
 Вошла, взирает с изумленьем...
 И тайный страх в нее проник.
 Лампады свет уединенный,
 Кивот, печально озаренный,
 Пречистой девы кроткий лик
 И крест, любви символ священный,
 Грузинка! всё в душе твоей
 Родное что-то пробудило,
 Всё звуками забытых дней
 Невнятно вдруг заговорило.
 Пред ней покоилась княжна,
 И жаром девственного сна
 Ее ланиты оживлялись
 И, слез являя свежий след,
 Улыбкой томной озарялись.
 Так озаряет лунный свет
 Дождем отягощенный цвет.
 Спорхнувший с неба сын эдема,
 Казалось, ангел почивал
 И сонный слезы проливал
 О бедной пленнице гарема...
 Увы, Зарема, что с тобой?
 Стеснилась грудь ее тоской,
 Невольно клонятся колени,
 И молит: «Сжался надо мной,
 Не отвергай моих молений!..»
 Ее слова, движенье, стон
 Прервали девы тихий сон.
 Княжна со страхом пред собою
 Младую незнакомку зрит;
 В смятенье, трепетной рукою
 Ее подъемля, говорит»...
(Пауза).

Ну, и чего молчишь?!

МАРИЯ. А что?

ЕЛИЗАВЕТА. Так твой же текст.

МАРИЯ. Разве?

ЕЛИЗАВЕТА. Ну, ты же – Мария! *(Повторяет, втолковывая)*. «...Княжна со страхом пред собою младую незнакомку зрит». Кто у нас княжна? «В смятенье, трепетной рукою ее подьемля, говорит»...

МАРИЯ. Это... ты, значит, передо мной, будто бы, на коленях, а я, будто бы, тебя поднимаю и чего-то там тебе говорю?.. Ну, извини. *(Откровенно издеваясь)*. Заслушалась.

ЕЛИЗАВЕТА. Ну, так говори!

МАРИЯ. Пожалуйста.
«Кто ты?.. Одна, порой ночью, —
Зачем ты здесь?»

ЕЛИЗАВЕТА. «Я шла к тебе,
Спаси меня; в моей судьбе
Одна надежда мне осталась...
Я долго счастьем наслаждалась,
Была беспечней день от дня...
И тень блаженства миновалась;
Я гибну. Выслушай меня.
Родилась я не здесь, далеко,
Далеко... но минувших дней
Предметы в памяти моей
Доныне врезаны глубоко.
Я помню горы в небесах,
Потоки жаркие в горах,
Непроходимые дубравы,
Другой закон, другие нравы;
Но почему, какой судьбой
Я край оставила родной,
Не знаю; помню только море
И человека в вышине
Над парусами...
 Страх и горе
Доныне чужды были мне;
Я в безмятежной тишине
В тени гарема расцветала
И первых опытов любви

Послушным сердцем ожидала.
 Желанья тайные мои
 Сбылись. Гирей для мирной неги
 Войну кровавую презрел,
 Пресек ужасные набеги
 И свой гарем опять узрел.
 Пред хана в смутном ожиданье
 Предстали мы. Он светлый взор
 Остановил на мне в молчанье,
 Позвал меня... и с этих пор
 Мы в непрерывном упоенье
 Дышали счастьем; и ни раз
 Ни клевета, ни подозренье,
 Ни злобной ревности мученье,
 Ни скука не смущала нас.
 Мария! ты пред ним явилась...
 Увы, с тех пор его душа
 Преступной думой омрачилась!
 Гирей, изменою дыша,
 Моих не слушает укоров,
 Ему докучен сердца стон;
 Ни прежних чувств, ни разговоров
 Со мною не находит он.
 Ты преступленью не причастна;
 Я знаю: не твоя вина...»

(Возмущенно) Да почему же не твоя-то?.. Твоя! Чья же еще? И что значит, «не причастна»?
 Вот уж тут, дорогой наш Александр Сергеевич, промашку вы дали. Причастна! Еще как
 причастна! А значит – виновата!

МАРИЯ. Да чем виновата-то?

ЕЛИЗАВЕТА. Чем?!.. Да уже самим фактом своего существования! *(Быстро, без выражения проговаривает несколько строк).* «... Ты к преступленью не причастна; я знаю не твоя вина... Итак, послушай: я прекрасна; во всем гареме ты одна могла б еще мне быть опасна; но я для страсти рождена» ... Ну, это все можно спокойно вымарать. Значит, вот как будет:

«...Гирей, изменою дыша,
 Моих не слушает укоров,
 Ему докучен сердца стон;
 Ни прежних чувств, ни разговоров
 Со мною не находит он.
 Но я для страсти рождена,
 А ты любить, как я, не можешь!
 Зачем же хладной красотой
 Ты сердце слабое тревожишь?
 Оставь Гирея мне: он мой;

На мне горят его лобзанья,
 Он клятвы страшные мне дал,
 Давно все думы, все желанья
 Гирей с моими сочетал;
 Меня убьет его измена...
 Я плачу; видишь, я колена
 Теперь склоняю пред тобой,
 Молю, винить тебя не смея,
 Отдай мне радость и покой,
 Отдай мне прежнего Гирея...
 Не возражай мне ничего;
 Он мой! он ослеплен тобою.
 Презреньем, просьбою, тоскою,
 Чем хочешь, отврати его;
 Клянись... (хоть я для Алкорана,
 Между невольницами хана,
 Забыла веру прежних дней;
 Но вера матери моей
 Была твоя) клянись мне ею
 Зарему возвратить Гирею...
 Но слушай: если я должна
 Тебе... кинжалом я владею,
 Я близ Кавказа рождена...» *(в ее руках оказывается стилет, она замахивается им, секунду колеблется, отдергивает руку, бросает стилет, и он вонзается в пол).* Не смогу!..

МАРИЯ. Чего не сможешь?

ЕЛИЗАВЕТА. Убить тебя, к чертовой матери, не смогу! Рука, по второму разу, не поднимется.

МАРИЯ. Что значит – по второму разу?

ЕЛИЗАВЕТА. А ты будто бы и не знаешь! *(Пристально смотрит в ее лицо).* Ну, так я тебе расскажу. Я тебе сегодня всё... в подробностях расскажу... в лицах! Пора... Давно пора!.. Пора, в конце-то концов, все точки над “Г” расставить. Только не сейчас. Попозже. Рабочий день только начинается.

МАРИЯ. Ну-ну... *(Поднимает стилет).* А это еще что такое?

ЕЛИЗАВЕТА. Стиллет.

МАРИЯ *(щупая лезвие).* Настоящий?

ЕЛИЗАВЕТА. А то! *(Отодвигая протянутую, с клинком, руку «Марии»).* Нет-нет. Ты оставь у себя. Я думаю, пригодится.

МАРИЯ. Бле-еск! У тебя и так – что ни день, то сюрпризы, а сегодня ты как-то особенно усердствуешь!

ЕЛИЗАВЕТА. А это я тебя настраиваю. На нужный градус, перед репетицией, настраиваю.

МАРИЯ. Понятно.

ЕЛИЗАВЕТА. Давай-ка, для начала, по площадке походи. Давай, давай! Осваивай пространство!

МАРИЯ. А что его осваивать: оно у нас каждый день одно и то же. Что репетируем?

ЕЛИЗАВЕТА. «Марию» с «Елизаветой».

МАРИЯ. Шиллера?

ЕЛИЗАВЕТА. Нет, сначала – Разумовскую. Но ты не волнуйся: до Шиллера тоже очередь дойдет.

«Мария» идет вглубь сцены, достает из тележки и надевает на себя длинную юбку с широким запахом, надетую на проволочный каркас, похожий на кринолин. Затем достает «горностаевую» мантию, надевает ее на «Елизавету» – так, что полы мантии закрывают тележку, подает бутафорский свиток, уходит «за кулисы».

ЕЛИЗАВЕТА. И пусть уважаемая публика – когда она появится – включит, вместе с нами, все свое воображение, представив себе XVI век, Лондон, Букингемский дворец, покои королевы Елизаветы, ночь. *(Включает магнитофон. Музыка).*

«ЕЛИЗАВЕТА *(разворачивая свиток).* Странно. Что-то я совсем не чувствую удовлетворения... Каждый раз – одно и то же... одно и то же. Ничего нового. Заседания, разбирательства, суды... Приговаривают к казни, а на подпись все равно несут ко мне! И снова ее жизнь и смерть зависит от моего великодушия... Господи, как я устала жить!.. *(Раздражаясь.)* Они думают, что поймали меня в ловушку! Они полагают, что я рада, что я только того и жду, чтобы отрубить голову своей сестре! Мартышки! Всю жизнь я тяну этот воз, как лошадь, а им лень придумать для меня что-нибудь... пусть самое банальное, ну, хотя бы, яд... чтобы избавить меня наконец... Нет! За все мои благодеяния этой стране им нужно сделать меня напоследок ее убийцей! Им нужна моя подпись: Элизабесс! Не-ет, в Тауэр... в Тауэр!.. Всех, кто хоть раз взглянул в лицо этой Горгоны, всех в Тауэр, всех, всех. *(Кричит).* И чтобы я больше ничего не слышала о королеве Шотландской! И пусть никто... вы слышите, никто не смеет при мне произносить ее имя, если хочет умереть своей смертью! Ее для меня не существует больше на свете! Я предаю забвению ее жизнь! Распорядитесь о ее дальнейшем существовании сами. Без меня!

МАРИЯ *(возникая в глубине).* Какие бывают удивительные встречи, сестра...

ЕЛИЗАВЕТА (*пристально всматриваясь в Марию, бормочет*). Врут... все врут... все... все портреты врут... Впрочем, всё тлен... Вас же здесь нет, сестра. (*Отворачивается*). Вы просто плод моего воображения.

МАРИЯ. Я говорю: какие бывают удивительные встречи! И люди столь же роковым и непостижимым образом связаны между собой, как связаны звезды, земля, планеты и солнце...

ЕЛИЗАВЕТА. Самое время пофилософствовать, леди Стюарт.

МАРИЯ. Какой скрипучий голос... Это всегда?

Елизавета величественно молчит.

А вот я в молодости любила петь. Поэт Шателляр находил у меня недурной голос... Хотите послушать? (*Напевает*).

Однажды юный пастушок –
Тра-ля-ля-ля-ля-ля –
Повел барашков на лужок –
Тра-ля-ля-ля-ля-ля.
Пастушку прелестную он повстречал,
И встреча была до того горяча,
Что стали они возле синей реки
Плести из ромашек венки...

ЕЛИЗАВЕТА. Некоторые слишком много веселятся в молодости.

МАРИЯ. Это плохо?

ЕЛИЗАВЕТА. Это расслабляет.

МАРИЯ (*улыбаясь*). Напротив, это дает отвагу.

ЕЛИЗАВЕТА. Я хотела сказать, это заканчивается плохо. (*Скрипуче смеется*).

МАРИЯ (*с горечью*). Ноги опухают. Ревматизм.

ЕЛИЗАВЕТА. Ревматизм! Детская болезнь, леди Стюарт. От ревматизма хорошо соляные ванны. А вот от наследственных язв... разве что гробовая доска. (*Смеется*).

МАРИЯ. Как странно... Всю свою жизнь я вас ненавидела и боялась. Но вот сейчас...

ЕЛИЗАВЕТА (*тихо*). А как я вас ненавидела и боялась! Всю жизнь!..

МАРИЯ. ...сейчас я чувствую к вам такую близость... Ведь мы с вами одно, мы неразрывны. И здесь, и там, за гробом.

ЕЛИЗАВЕТА (*невольно*). О Боже, неужели и там?..

МАРИЯ. Да. Я буду сопутствовать вам всегда, и здесь, на земле, вспоминая ваше славное царствование, люди будут говорить: это та самая Елизавета, которая...

ЕЛИЗАВЕТА. Господи, как мне не хочется вас убивать!

МАРИЯ. Убивать всегда не хочется, сестра. Уж я-то знаю.

ЕЛИЗАВЕТА (*язвительно*). Вот именно! Вы это знаете, мадам!

МАРИЯ. Так хочется, чтобы за тебя это сделал кто-нибудь другой.

ЕЛИЗАВЕТА. Э-э, нет! Дураков нет, леди Стюарт. При моем, по крайней мере, дворе не нашлось ни одного дурака вроде вашего негодяя Босуэла, который избавил бы меня, наконец, от вас, как избавил вас от вашего мужа!.. (*Смеется*). Боже, у меня, по крайней мере, хватило бы ума не выходить за него замуж!

МАРИЯ. Мне всегда не хватало вашей рассудительности, сестра. Босуэл... Боже, как дохнуло на меня жаром твоей плоти...

ЕЛИЗАВЕТА (*поражена*). Что вы вспоминаете, леди Стюарт?

МАРИЯ (*бесстрастно*). В бесплотный мир я унесу твердость твоей плоти. Но как пепелище помнит отбушевавший пожар, как обгоревшим головешкам все еще снится лизавшее их пламя, так моя сожженная плоть помнит жар твоей крови, и огонь чресл твоих будет и в могиле памятен моим костям.

ЕЛИЗАВЕТА. Вот это, значит, как? Вот как!.. Какое воспоминание я унесу в могилу, кроме клочка земли под именем «Англия»?

МАРИЯ (*шепчет*). Босуэл...

ЕЛИЗАВЕТА. И что же вы выиграли, потворствуя своей страсти?

МАРИЯ. Плен и тлен...

ЕЛИЗАВЕТА. Согласитесь по совести, вы были дурной женщиной и дурной матерью.

МАРИЯ. Я была женщиной и была матерью... Впрочем, очень недолгое время...

ЕЛИЗАВЕТА. И пленницей своей преступной страсти!

МАРИЯ. Ваша сестра и пленница...

ЕЛИЗАВЕТА. И дурной королевой! Ваш народ вас ненавидел.

МАРИЯ. Я никогда не думала о народе... Но я всегда была милосердной. Меня любили.

ЕЛИЗАВЕТА. Убийцу мужа?! Интересно, а кого это предавали анафеме на всех площадях: «Боже, избави нас от тирании блудницы?»

МАРИЯ. Ненависть черни слепа...

ЕЛИЗАВЕТА. Увы, мадам, ваша жизнь – есть соблазн миру!

Пауза

МАРИЯ (*тихо*). Моя жизнь угасает, сестра. Может, вы потерпите еще немного? С грустью я смотрю на свое увядающее тело, грудь, к которой не прикасалась мужская рука и в двадцать пять, тридцать, и в сорок лет, и в сорок пять... Лицо мое по-прежнему без морщин, и все еще находятся английские мальчики, готовые умереть за мою свободу. Я, как могу, охлаждаю их пыл, ибо уже смирилась со своей тюремной судьбой. Сын мой вырос и царствует. За двадцать лет он написал мне два письма и не сделал ни одной попытки облегчить мою участь...

ЕЛИЗАВЕТА. Полно, не прикидывайтесь невинным агнцем. И не ропщите на крест, который несет каждый из нас в меру своего греха. В конце концов, история все расставит по своим местам.

МАРИЯ. Суд истории меня интересует гораздо меньше, чем Божий.

ЕЛИЗАВЕТА. Это потому, что вы никогда не чувствовали ответственности за свои деяния перед страной и народом.

МАРИЯ. Возможно...

ЕЛИЗАВЕТА. В вашей собственной стране вы занимались только своими любовниками и устройением личных дел. Вам и в голову не приходило, что у королевы кроме неограниченных прав есть и святые обязанности перед народом. И я уверена, из-за очередной страстишки вы, не задумываясь, пустили бы на ветер все свое королевство вместе с подданными. Вы можете только расточать не вами созданное, и пока вы живы, нет мира и покоя мне и моей стране!

Пауза.

МАРИЯ. Мне нечего возразить вам, кроме шестой заповеди.

ЕЛИЗАВЕТА (*злобно*). Ах, «не убий»! Леди Стюарт, если на одной чаше весов – благо государства, а на другой – ваша жизнь!..

МАРИЯ. Довольно, перестаньте себя мучить, сестра. Все будет хорошо, не беспокойтесь. Мир простит вам мое убийство, как прощает он все убийства и забывает все злодеяния.

ЕЛИЗАВЕТА (*взрываясь*). Мир?! О да! Мир простит! Этот подлый, лживый, продажный мир простит! (*Внезапно*). Разве миру даровано прощать грехи? Простит ли нас Он? Высший Судия? Ведь вы тоже убийца! Вы убийца, леди Стюарт! Вы надеетесь на прощение ТАМ, убийца?!

Пауза.

МАРИЯ (*тихо, искренне*). Господь так милосерд...

ЕЛИЗАВЕТА (*с жадной надеждой*). Не правда ли? Вы тоже так думаете, сестра? Ведь должен же Он понять, что я убиваю вас не ради себя, не ради своих личных выгод или преступных страстей, но ради спокойствия и процветания моей Англии! Все, все ради Англии! Ведь можно же это понять? Как думаешь ты, убийца?!

МАРИЯ (*растерянно*). Я... не знаю... Наверно.

Пауза.

Мир живет совершенно по другим законам, сестра, чем те, которые дал нам Господь. И все наши мучения происходят оттого, что мы жаждем угодить сразу двум господам. Но сказано: нельзя служить Богу и мамоне. Ибо нравственный, Божий закон нам велит делать одно, закон же эгоистический, мира сего – совершенно противоположное...

ЕЛИЗАВЕТА. Он дал нам невыполнимые заповеди, не правда ли? (*Настойчиво*). Не правда ли?

МАРИЯ (*вынужденно*). Да.

ЕЛИЗАВЕТА (*возбужденно*). Подумать только, что стало бы с миром, если бы все ринулись выполнять Его заповеди! (*Смеется*). Нет, правда, только представить... как это? Бред! Все стали бы друг друга любить, прощать, подставлять щеку... исчезла бы зависть, злоба, вражда, все пожирания друг друга, войны! Все, чем живет мир!.. Я спрашиваю вас: разве может Бог это все допустить?!

МАРИЯ (*с состраданием*). Н-нет...

ЕЛИЗАВЕТА (*тихо*). Зачем же тогда этот обман?

МАРИЯ (*мучительно*). Это не обман... не обман... Другое...

ЕЛИЗАВЕТА. Что? Что? Почему вы не отвечаете, что?..

Пауза.

МАРИЯ. Из окна моей башни, где вот уже двадцать лет томится моя одинокая душа, так хорошо наблюдать небесные светила, единственных спутников моей печальной жизни... Я слукавила бы перед вами, сестра, если бы сказала, что хочу умереть. Как это ни странно, но и в заточении своем я стала находить много неизвестных мне прежде радостей. Плотские желания совершенно покинули меня, и это стало для меня большим облегчением. Уединение – огромное благо для нашего духа, сестра. Сей мир перестает грабительно раздирать твою душу, ты отстраняешься от его похотливо-цепких объятий и начинаешь любить его той очищенной, бескорыстной, идеальной любовью, которой любит его Господь, любовью только дающей и благословляющей... О, если бы можно было так чувствовать, так жить в миру, а не только в тюрьме и одинокой келье!.. Когда-то вы спрашивали меня, выполнимы ли заповеди, или, иными словами, возможно ли жить по совести? Я пришла к выводу, сестра, что существуют только два способа жизни. Первый способ – захвата, это жизнь большинства людей, несовместимая с заповедями. Что же касается второго... Мне кажется – идея жизни как жертвы, заповеданная нам Христом, еще слишком далека от нашего эгоистического сознания...

ЕЛИЗАВЕТА. Она всегда будет далека.

МАРИЯ. Возможно. Но борьба совести и эгоизма составляет движение истории, а христианизация жизни – ее смысл.

ЕЛИЗАВЕТА. И вы действительно верите в это, леди Стюарт?..

Пауза. Мария, улыбаясь, молчит.

Значит, вам опять хорошо? Что у вас за счастливый характер, мадам! Все оборачивается вам на пользу. Из всего вы извлекаете выгоду. Мудрость или глупость дают вам этот душевный покой, не смущаемый даже кровавым видением скорого эшафота. Почему я, могущественная королева, свято исполняющая возложенный на меня Тобой, Господи, долг, почему я несчастлива и страдаю? Почему дух мой в смятении, растерзан и угнетен? Почему я раздавлена своим грехом? Я, остающаяся царствовать и жить! Разве я не заслужила, Господи, если не счастья, то хотя бы удовлетворения и покоя? Почему Ты так несправедлив? Чего ты хочешь от меня, Господи? Дай знак! Что я должна сделать? Помиловать ее или казнить? Что же ты ничего не отвечаешь мне, Господи?! Почему ты оставляешь меня одну! С занесенным мечом, который ты не пожелал вырвать из моих рук! Довольно... Довольно, леди Стюарт. Помолимся. Ибо я изнемогла под тяжестью неотвратимого греха.

МАРИЯ (*становится на колени*). Господи и Всемогущий Боже, нет ни одной Твоей заповеди, которую бы я не нарушила. Я убивала, прелюбодействовала, лгала. И

только бесконечность Твоей любви может растопить мой грех. Но, Господи, ты знаешь, я старалась никого не судить и простила врагам все, даже смерть...

ЕЛИЗАВЕТА Господи, Ты знаешь, безмерна и глубока моя зависть, от юности когтящая мне сердце, так что и страхом Твоего суда не выжечь ее оттуда. О, как велика нелюбовь Твоя ко мне, Господи, что и сейчас на вершине всемогущества мирской власти я завидую той, которой и минуты дыхания уже сочтены. И я знаю, вопреки всей справедливости, Ты простишь ей все ее прегрешения, и снова она окажется обласкана Твоей божественной милостью и любовью. Я же, которая и в этой жизни не знала любви и утешения, что я унесу в могилу, кроме сиротства и нищей зависти?

Мария и Елизавета молятся одновременно.

МАРИЯ. Спаси, Господи, и помилуй ненавидящую и обидящую мя и творящую ми напасти сестру мою королеву Елизавету, и не остави ее погибнуть мене ради грешной.

ЕЛИЗАВЕТА. Господи, спаси меня от ненависти к сестре моей королеве Марии, которую Ты, Господи, всегда предпочитал мне и которую все незаслуженно любили и прославляли, а меня ненавидели и презирали.

МАРИЯ. Помяни, Господи, души усопших рабов Твоих, короля Французского Франциска, убиенного шотландского короля Генри Дарнлея, а также возлюбленного моего супруга Джеймса Босуэла.

ЕЛИЗАВЕТА. Боже, Боже, найдется ли на земле человек, который помолится о грешной рабе Твоей Елизавете?

МАРИЯ. И прости им все согрешения вольные и невольные...

ЕЛИЗАВЕТА. Господи, ведь должен же наступить когда-нибудь конец!

МАРИЯ. ...даруя им царствие и причастие вечных Твоих благ...

ЕЛИЗАВЕТА. Господи, Ты видишь, я не хотела, но Ты сам вложил мне в руки топор...

МАРИЯ. ...и Твоя бесконечные и блаженные жизни наслаждения...

ЕЛИЗАВЕТА. ...который я только опускаю на ее шею! *(Берет перо и бумагу).* Именем королевы Английской Елизаветы голову самозванке и государственной преступнице Марии Стюарт, королеве Шотландской, – от-ру-бить! *(Подписывает приговор и теряет сознание).*»

Долгая пауза.

МАРИЯ. Эй!.. Ты что это там притихла? На тебя это не похоже. *(Подходит к «Елизавете», трогает ее).* Эй!.. Ты живая, или как?

ЕЛИЗАВЕТА *(схватив ее за руку).* А теперь – слушай! Слушай и сопоставляй! *(Начинает спокойно, дальше – все более распаяясь).* Двадцать лет... Двадцать лет мы были с ним рядом. Мы были вместе. Мы были неразрывны!.. Как Коонен и Таиров... как Райх и Мейерхольд... как Алентова и Меньшов!.. Двадцать лет!.. А потом появилась ты. Уверенная в своей неотразимости... яркая... сексапильная... готовая на все... Ах, как же ты старалась переключить на себя его внимание!.. Ноги, открытые насколько возможно... на двенадцатисантиметровых шпильках, чтоб были до ушей... Томный взгляд... Речь, с придыханием – а la Доронина... Дифирамбы – тонко... вовремя... к месту... Ну, разве мог этот козел... этот гений, периферийного разлива, устоять? Конечно же – нет!.. Я пережила его измену мне: мало ли баб, пытающихся построить карьеру через постель, было у него. Я даже пережила его окончательный уход к тебе... Но измену Театру... тому Театру, который мы вместе с ним строили столько лет... Нет, у него хватило ума не вводить тебя на мои роли – он просто постепенно вывел, один за другим, все спектакли с моим участием из репертуара – ну, а как же иначе: в театре блистать должна только одна – его звезда, его муза... – и из всего букета замечательных ролей в не менее замечательных спектаклях, у меня осталась только Гертруда в "Гамлете", и то лишь потому, что он, в срочном порядке, ввел тебя на Офелию... и вместо той – прежней – трагичной Офелии по сцене зашагала смазливая, сентиментальная, сопливая инженю. Да и весь репертуар через пару лет превратился в сплошные розовые сопли! Это сейчас в тебе проснулся трагизм, а тогда... Ах, как же я ненавидела тебя тогда!.. Не из-за него, нет – что с него возьмешь: влюбленные мужики катастрофически глупеют. Как говорится, "кризис среднего возраста", с необратимым размягчением мозгов... Нет. Я ненавидела, потому что из-за тебя мне стало нечем жить. Понимаешь? Нечем жить!.. Ненавидела тогда – ненавижу сейчас. Да-да! Не-на-вижу!.. за то, что ты есть!.. за то, что ты жива!.. за то, что ты не погибла тогда!.. за то, что я обречена, если не сплю, видеть тебя постоянно!.. за то, что все последние годы смыслом моей – теперь уже совершенно бессмысленной жизни стала необходимость каким угодно способом исправить тот вред и ту боль, которые я тебе причинила!..

МАРИЯ. Ты?..

ЕЛИЗАВЕТА. А кто же еще? «Злой чечен ползет в театр, точит свой кинжал»?.. Ага!.. Это только фээсбешникам везде и всюду «чеченский след» с «мировым терроризмом» чудятся. Тоже мне: новый "Норд-Ост", блин!.. Да кому он мог быть нужен в нашем-то занюханном Запидняевске?!.. причем, при полном отсутствии зрителей. А на самом деле все значительно проще: захотелось несчастной бабе разом прекратить все мучения, прикончив, в один присест, и себя, и бывшего своего благоверного, и его пассиву... а денег на приличного киллера нет. Что делать?.. Правильно! Идти на базар и покупать, по дешевке, взрывное устройство, благо этого дерьма на наших базарах – хоть жопой ешь! Кто ж виноват, что это дерьмо оказалось китайского производства, и, вместо нормального, аккуратного, компактного точечного взрыва, дербалызнуло во все стороны, и возник пожар?.. да такой, что театр, уже горевший к тому времени, фигурально выражаясь, «синим пламенем», сгорел моментально «красно-рыжим», в самом, что ни на есть, буквальном смысле этого слова. Ну, театр сгорел – и хрен бы с ним!.. но мы-то... мы!.. Ты – без глаз. Я – считай, без ног. А

этому... похотливому козлу... – хоть бы хны! У него теперь – и Театр, и Муза – новые. Это мы с тобой десять лет на помойке... в дерьме!..

МАРИЯ (*кричит*). Заткнись!.. Заткнись, ты!.. Не смей... сука!..

ЕЛИЗАВЕТА. Что? Не нравится?

МАРИЯ. Я любила его! Понимаешь? Любила! И он любил меня. Это ты никогда в жизни не любила никого, кроме себя. Себя – на сцене! Себя – в искусстве! Когда-то я не до конца понимала, что значит «Люби искусство в себе, а не себя в искусстве». Теперь знаю: Станиславский писал это для таких, как ты. Для тебя!

ЕЛИЗАВЕТА. Неправда! Для меня всегда главным в жизни была профессия!

МАРИЯ. Не профессия. ТЫ в профессии! Вот поэтому у тебя, на старости лет, никого из близких и не осталось: ни детей не нажила, ни внуков!

ЕЛИЗАВЕТА. А сама?!

МАРИЯ. Что – сама?

МАРИЯ. Где твои близкие? Кого нажила ты?

МАРИЯ. Я просто не успела.

ЕЛИЗАВЕТА. Не-ет, не тогда. Не с ним. Раньше! «Согласитесь по совести, леди Стюарт, вы были дурной женщиной и дурной матерью. И дурной королевой!». Отчетливая параллель, не правда ли?.. Ладно... ни одного из своих мужей ты не убивала. Физически не убивала – до Марии Стюарт тебе далеко. Но я же знаю, что у тебя где-то есть сын. Взрослый сын. Так вот, мне интересно: почему ты сейчас не с ним, а здесь, со мной?

МАРИЯ. Сын – отрезанный ломоть. Когда я расходилась со своим первым мужем, он уже был достаточно большим, чтобы выбирать. Тогда он выбрал отца.

ЕЛИЗАВЕТА. А сейчас?

МАРИЯ. А сейчас я просто не хочу быть ему обузой.

ЕЛИЗАВЕТА. Хочешь сказать, он ничего не знает о том, в каком ты состоянии? Или...

МАРИЯ (*перебивая*). Никаких «или»!

ЕЛИЗАВЕТА. Что ж... это делает тебе честь... в какой-то степени.

Пауза.

МАРИЯ. Значит, это, и в самом деле, была ты.

ЕЛИЗАВЕТА. А кто же еще? Ну, ты же помнишь, как тогда нашему "гиганту мысли" втемяшилось в голову взять для тебя в репертуар "Марию Стюарт". Помнишь? Ну, а поскольку кроме меня Елизавету играть было некому, ему, воленс-ноленс, пришлось занять в спектакле и меня. Вот тогда он и придумал "гениальное" решение: несчастная Мария - юна и прекрасна, а сволочь Елизавета - стара и уродлива... страшна, как смертный грех. Помнишь? Вот это и стало последней каплей!.. последней соломинкой, сломавшей спину верблюдице, двадцать с лишним лет тянувшей этот театр.

МАРИЯ. У меня возникали поначалу смутные подозрения на этот счет, но когда ты нашла меня и позвала с собой...

ЕЛИЗАВЕТА. Ты что, думаешь, я – альтруистка? Ничего подобного! Это – не ради тебя. Ради себя.

МАРИЯ. Ради себя?

ЕЛИЗАВЕТА (*усмехаясь*). Когда, после взрыва, я, в реанимации, пришла в себя и узнала, что все живы – ты даже представить себе не можешь, до какой же степени я была разочарована. Но тогда у меня еще не было ни этого (*показывает на свои ноги*), ни этого (*руками обозначает объем туловища*).

МАРИЯ. Не поняла. Чего не было?

ЕЛИЗАВЕТА. Извини, забыла, что ты не способна по достоинству оценить мою выразительную жестикуляцию. Ладно, объясняю вербально: тогда у меня еще было моё, привычное, нормальное тело. Это потом... значительно позже... когда я узнала, что ты потеряла зрение, у меня почему-то начали отниматься ноги, а тело – пухнуть, как на дрожжах. Причем, медики не находили во мне никакой патологии и объясняли все исключительно психологическим фактором.

МАРИЯ (*с иронией*). Неужели – комплекс вины?

ЕЛИЗАВЕТА. Вот именно: идиотский, никому не нужный комплекс вины! Только и это я поняла не сразу – лишь после того, как побывала в Дивеево... пообщалась там с одной из старниц. И та очень популярно объяснила мне, что это – наказание. Наказание свыше. Вот тогда я и стала искать тебя. И в жизни моей снова появилась цель. Пусть совершенно абсурдная, но цель. Появилась надежда. Надежда и смысл. Потому что врачи в твоей богадельне мне сказали, что, хотя ты и признана в нашей стране неоперабельной, где-то в далекой Южной Африке есть чудо-доктор, чудо-хирург с такой... с детства знакомой сказочной фамилией – Гудвин. Этакий «волшебник из страны Оз или Изумрудного города», способный вернуть тебе зрение. Глядишь, и мне, по совокупности, вернул бы нормальное состояние.

МАРИЯ. Тебе, по-моему, как соломенному Страшиле, мозгов у Гудвина попросить бы не мешало.

ЕЛИЗАВЕТА. Да нет, мозгов у меня достаточно. Вот денег для твоей операции до сих пор маловато – это да.

МАРИЯ. Значит, ты все эти годы мне врала?!

ЕЛИЗАВЕТА. Милая моя! Я – женщина. И я – актриса!

МАРИЯ. Сволочь ты!

ЕЛИЗАВЕТА. Не без этого.

МАРИЯ. Господи! С каким наслаждением я бы сейчас прикончила тебя на месте!

ЕЛИЗАВЕТА. Ага! Вот... Вот оно!.. Вот теперь и для Шиллера самое время!

(Громогласно обращается к воображаемому персонажу).

«Сэр Толбот! отошлите свиту в Лондон:

Народ стоит на улицах толпой,

Пусть думают, что я вернулась с ними!..

И пусть охрана отойдет подальше:

Мне хочется вот с этой бледной леди

Поговорить немного tete-a-tete!

Любовь ко мне народа моего

Неслыханна. Так почитают Бога,

А не людей.

(К Марии). Что ж, подойдите... леди!

МАРИЯ *(в сторону).*

О Боже! Нет души в ее глазах! *(Делает несколько шагов, застывает в гордой и независимой позе)*

ЕЛИЗАВЕТА *(оценив вызов).*

Мне говорили о больной, смиренной,

Убитой горем грешнице несчастной,

О кающейся, сдавшейся... Гордячку

Я вижу пред собою. Вас, похоже,

Не научило горе ничему.

МАРИЯ *(в сторону).*

Пусть будет так. Я проглочу и это.

Бессильное достоинство мое,

Забудь, кто я, и что я претерпела.

Прощай, мой стыд, – я ниц паду пред ней,

Меня жестоко в эту грязь втоптавшей!

(Обращается к королеве.)

Вы Божьей волей избраны, сестра,
На царство и увенчаны победой.
Чту Божью власть, возвысившую вас.
(Падает на колени.)

Теперь и вы великодушны будьте,
Дозвольте не валяться мне в пыли.
Мне протяните царственную руку,
Сестре, в несчастье, помогите встать.

ЕЛИЗАВЕТА.

Вы там, где надлежит вам быть, миледи.
Хвала творцу, что он не пожелал,
Чтоб я была у ваших ног простерта,
Как вы теперь лежите предо мной.

МАРИЯ *(с возрастающим чувством)* .

Подумайте, как переменчив рок,
Как он карает за высокомерье!
Пускай вас образумит мой пример.
Великодушной будьте: пощадите
Тюдоров кровь, текущую во мне.
Не стойте предо мною неприступно,
Как грозная скала, к которой тщетно
Доплыть стремится гибнущий пловец.
От силы слов моих, от уговоров,
От слез моих зависит жизнь моя.
Так помогите ж мне растрогать вас
И ледяным своим ужасным взором
Не сковывайте сердца моего.

ЕЛИЗАВЕТА *(холодно и сурово)* .

Что вы сказать хотели мне, миледи?
Я тут, как вы желали, вопреки
Моей задетой королевской чести,
Чтоб выполнить священный долг сестры
И вас утешить близостью своею.
Не следовало мне к вам снисходить.
Сердечный мой порыв, конечно, будет
Поставлен мне в укор: вы слишком часто
На жизнь мою злодейски посягали.

МАРИЯ.

Как мне начать и как связать слова,
Чтобы растрогать вас и не обидеть?
Оправдываясь, буду я должна

Тем самым обвинять вас против воли.
 Вы обошлись со мной нехорошо,
 Из королевы узницею сделал.
 Я добровольно к вам пришла, воззвав
 К правам народов и гостеприимству,
 А вы в темницу заперли меня.
 Меня лишают слуг, друзей, ввергают
 В нужду и учиняют надо мной
 Постыдный суд... Но я молчу! Ни слова!
 Забвенье всем страданиям моим!
 Произошла несчастная случайность,
 Вы неповинны, неповинна я.
 Злой дух посеял с самой колыбели
 Меж нами рознь, всю жизнь она росла,
 Ее клеветники раздуть старались.
 Уж таково несчастье королей —
 Служить для мира яблоком раздора.
*(Приближаясь к Елизавете,
 доверчиво и ласково.)*
 Но наконец-то мы наедине
 И третьего нет никого меж нами.
 Скажите прямо, в чем я провинилась?
 На все отвечу вам чистосердечно.
 Вините, упрекайте. Я во всем
 Надеюсь перед вами оправдаться.
 Ах, если б вы тогда пришли ко мне,
 Когда я вашей помощи искала!
 Дела бы не зашли так далеко,
 Была б не так печальна наша встреча.

ЕЛИЗАВЕТА.

Благодарю счастливую звезду,
 Что на груди змею я не пригрела.
 Не на судьбу пеняйте, на себя,
 На ваших католических попов,
 Уговоривших вас мой герб присвоить,
 На тех, кто мне грозит за рубежами
 И поднимает мятежи внутри.
 Но с нами Бог! Вы проиграли, леди!
 Меч поднят над моею головой,
 А упадет на самом деле ваша!

МАРИЯ.

Я в Божьей власти. Твердость показать
 Едва ль вы захотите так кроваво.

ЕЛИЗАВЕТА.

А кто мне помешает? Мира нет
 Меж мной и вашим племенем змеиным.
 Что значит слово чести, близость крови?
 Ведь ваша церковь освящает все:
 Предательство, обман, цареубийство.
 Я действую по слову вашей церкви.
 Скажите, кто поручится за вас,
 Когда я вам прощу деянье ваше?
 Поэтому лишь сила мне порукой!

МАРИЯ.

Ах, это ваша мнительность слепая!
 Во мне всегда вы видели врага,
 А если бы наследницей назвали,
 Какую бы любовь и благодарность,
 Какую преданность приобрели
 Во мне, родной по крови и подруге!

ЕЛИЗАВЕТА.

Родные ваши, госпожа Стюарт,
 В чужих краях. Но чего ж хитра:
 Моей наследницей ее назначить!
 Чтоб весь народ мой вы еще при мне
 Переловили в сети волокитства,
 И юношество обратило взор
 К иному восходящему светилу...

МАРИЯ.

Царите с миром. Я от всяких прав
 На царство отрекаюсь. Мне величья
 Не надо. Вы достигли своего.
 Я больше не Мария, тень Марии.
 Мой дух сломили вы во цвете лет.
 Сестра! Пора опомниться. Скажите
 Слова, с которыми явились вы.
 Не верю я, чтоб вы пришли глумиться
 Над жертвою поверженной своей.
 Скажите же... пожалуйста, скажите:
 «Мария, вы свободны. Власть мою
 Почувствовали вы, теперь узнайте
 Мое великодушие!» О, тогда
 Я дней остаток и свою свободу
 Приму как личный дар из ваших рук.
 Лишь слово – и забыто все, что было.
 Я жду его! Не заставляйте ждать!

Но горе вам, когда не этим словом
 Вы завершите встречу! Если вы
 Не благодатным ангелом небесным
 Явились и покинете меня,
 Тогда, сестра, всех царств земных ценою,
 За весь богатый этот остров ваш,
 Я б не хотела быть на вашем месте,
 Стоять, как вы теперь передо мной.

ЕЛИЗАВЕТА.

Так вы себя признали побежденной?
 Не будет новых козней? Нет убийц,
 Нет рыцарей, нет удальцов и хватов,
 За вас готовых в воду и огонь?
 Ни одного поклонника не видно?
 Да, леди Стюарт, некого прельщать!
 Мир поглощен заботами другими.
 Да и прельстится ль кто супругом стать
 Четвертым вашим? Женихи у вас,
 Как и мужья, увы, недолговечны.

МАРИЯ (*вспыхивая*) .

Сестра! Сестра! Дай мне терпенья, Боже!

ЕЛИЗАВЕТА (*смеривши Марию
 взором гордого презренья*) .

Так это, стало быть, и есть те чары,
 Что обольщали каждого мужчину?
 Недорого ж такая слава стоит!
 Всеобщего признания нетрудно
 Добиться, ставши общею для всех.

МАРИЯ.

Нет сил терпеть!

ЕЛИЗАВЕТА.

Вот вы и показали
 Свое лицо, а то была личина!

МАРИЯ (*горя гневом, но с
 благородным достоинством*) .

Я ошибалась смолоду не раз!
 Но я своих ошибок не скрывала.
 Я вся как на ладони. Ложный вид
 Я презирала гордо, откровенно.

Все худшее известно обо мне,
 Могу сказать: я лучше этой славы.
 Но трепещите, если с ваших дел
 Сорвут покров, и свет предаст огласке
 Распутство ваших низменных страстей.
 Наследственная эта добродетель,
 Блудливость, привела на эшафот
 Родительницу вашу, Анну Болен.

ЕЛИЗАВЕТА.

Как смели вы так оскорбить меня?!
 Где ваша сдержанность, покорность, леди?

МАРИЯ.

Покорность? О, я все перенесла,
 Что в силах человеческих! Довольно!
 Долой овечью кротость! Пропадай,
 Терпенье жертвы! Выступи наружу,
 Мой с давних пор таимый правый гнев!
 И ты, о Боже, ядовитым жалом
 Вооружи меня, мои слова!
 Трон Англии захвачен самозванкой,
 Притворщицей, плясуньей площадной,
 Рожденною внебрачно. Если б в крае
 Царил закон, лежали б вы в пыли
 Передо мной, своею королевой.

О, как легко мне стало! Наконец-то
 За столько лет страданий, слез, обид —
 Минута торжества, минута мщенья!
 Как будто бы гора свалилась с плеч.
 Я лиходейке нож всадила в грудь!»

ЕЛИЗАВЕТА (*не снижая степени накала предыдущей сцены*). Ну, и что же ты?! Что же ты скисла?! Для чего я дала тебе стилет? А?!.. Почему ты не решаешься даже попробовать материализовать такой замечательный текст: «...За столько лет страданий, слез, обид — минута торжества, минута мщенья! Как будто бы гора свалилась с плеч. Я лиходейке нож всадила в грудь!»? — Всё же очень просто. Мизансцена элементарна, как манная каша. Ты произносишь: «...Если б в крае царил закон, лежали б вы в пыли передо мной, своею королевой», — на этом тексте обходишь меня, встаешь передо мной, спиной к зрителю, достаешь кинжал, а я сама направляю твою руку туда, куда нужно.

МАРИЯ. Нет, ты точно ненормальная! Ну, сама подумай, что за бред ты несешь! Как можно метафору воспринимать буквально? Как может Мария заколоть Елизавету, если Елизавета, в конце концов, отправляет её на эшафот?

ЕЛИЗАВЕТА. А ты думаешь, кто-нибудь из сегодняшних зрителей это знает? Да они в своей-то истории ни в зуб ногой, а ты хочешь, чтобы они знали английскую шестнадцатого века. Или ты веришь, что кто-нибудь из них удосужился прочесть Шиллера или Цвейга? И что такое для них «метафора»? Помнится, мы уже однажды обсуждали эту тему. Но, если тебе хочется, я могу повторить еще раз. Когда-то я любила своего зрителя, и мой зритель любил меня. Потому что это был Зритель! Настоящий Зритель. Зритель, с большой буквы, в отличие от нынешних «потребителей услуг»! Потому что быть настоящим Зрителем – это тоже искусство. Искусство не смотреть, а видеть; не слушать, а слышать. Искусство Сопереживать и Сочувствовать! А что сегодня? Когда ценность Искусства измеряется исключительно в рублях. Когда Театр превратили в простую услугу населению, наравне с парикмахерской и банно-прачечным комбинатом...

МАРИЯ. Ой, да причем тут это? Какая тебе разница – зритель, потребитель... Если уж на то пошло, у нас сегодня вообще ни черта не осталось – сплошные «услуги»: все переведено на «рыночные отношения». Образования у нас уже нет: школы «оказывают образовательные услуги»; медицина тоже решила не лечить людей а «оказывать медицинские услуги». Скоро даже Министерство Обороны распродаст все, что можно, и вместо того, чтобы нас защищать, начнет, при помощи Армии и Флота, оказывать платные услуги по защите Родины!..

ЕЛИЗАВЕТА (*перебивая*). А режиссура?! Как угодно, лишь бы не так, как написано. Либо эпатаж, либо выпендрёж, либо вообще – «Выше прыгни, громче пёрни»! А «потребитель» жрёт. Хавает, и счастлив! Не-ет! Сегодняшнего «потребителя» я ненавижу. Больше того: ненавижу и презираю, как презирала бы в Древнем Риме безграмотный охлос, орущий: «Хлеба и зрелищ!». И поэтому, на прощание, я-таки хочу подарить ему это зрелище!

МАРИЯ. Какое зрелище?.. О чем ты?..

ЕЛИЗАВЕТА. Убей меня! А? Убей! Сегодня. Вечером. Ну, пожалуйста... Я знаю: ты сможешь. Ты сильная. Не то, что я. Убей! Я прошу тебя! Я никогда ни о чем тебя не просила. Я на колени встала бы перед тобой, если б смогла. Убей!

МАРИЯ. Господи! Ну, почему тебе из всего... абсолютно из всего хочется сделать шоу?! Всегда! Везде! Даже в общении со мной! Почему даже такое, казалось бы, самое интимное, как жизнь и смерть, тебе непременно нужно преподнести громогласно, с помпой, на котурнах!..

ЕЛИЗАВЕТА. Да потому что, если уж мы сегодня решим уйти, я хочу уйти, громко хлопнув дверью! Будь я помоложе – закололась бы, сыграв последний монолог Джульетты.

МАРИЯ. Да с какой стати, с какого бодуна мы должны уходить?

ЕЛИЗАВЕТА. А с такого, что сегодня наш последний спектакль!

МАРИЯ. Что значит, последний?

ЕЛИЗАВЕТА. Последний значит последний. Всё! Нет больше ни надежды, ни цели, ни

смысла! *(Достает газету)*. Этого не было в теленовостях. Я прочла информацию в газете. *(Читает)*. «Вчера, в 18 часов местного времени, в кабинете своей клиники в Кейптауне, на шестьдесят четвертом году жизни, скоропостижно скончался всемирно известный хирург-офтальмолог Арье Гудвин. Причина смерти устанавливается». *(Помолчав)* Вот такие дела.

Долгая пауза. «Мария» медленно подходит к «Елизавете», берет из ее рук газету, проводит ладонью по странице, затем аккуратно складывает ее и кладет «Елизавете» на колени, снимает юбку и «кринолин», кладет их в тележку.

МАРИЯ. Где мои документы?

ЕЛИЗАВЕТА. Здесь. У меня.

МАРИЯ. Верни их мне.

ЕЛИЗАВЕТА *(достает папку)*. Держи. Здесь документы, доверенность, номер счета, пароль... Банк тебе известен.

МАРИЯ *(берет папку)*. Спасибо.

ЕЛИЗАВЕТА. Ну, и куда ты?

МАРИЯ. Куда угодно, лишь бы подальше от тебя.

«Мария» решительно идет в сторону портала, упирается в него, держась за стену, делает несколько неуверенных шагов, останавливается на краю авансцены, ищет рукой опору, не найдя ее прижимается спиной к стене и сползает по ней на пол. Тихо плачет, от бессилия.

ЕЛИЗАВЕТА *(молча наблюдавшая за ней)*. Что и требовалось доказать.

Очень долгая пауза.

ЕЛИЗАВЕТА *(подъезжает к ней, кладет руку на плечо)*. Я могла бы, конечно, ничего тебе сегодня не говорить, но, рано или поздно, ты все равно бы об этом узнала, так что, лучше уж раньше, и – от меня. Честнее.

МАРИЯ. Ладно. Не бери в голову. Пустяки. Минутная слабость.

ЕЛИЗАВЕТА. Разумеется. Я понимаю.

Пауза.

МАРИЯ *(притулившись головой к ее бедру)*. Знаешь, все эти годы я мечтала освободиться от тебя. Уйти от твоей опеки... от твоей фанаберии... от твоего самодурства... А вот сейчас сижу и думаю: а куда?..

ЕЛИЗАВЕТА. Вот именно: куда? Нет, милая моя! Уйти друг от друга мы можем только в одном направлении – вперед ногами.

МАРИЯ. Значит, это – конец?

ЕЛИЗАВЕТА. Выходит, что так.

Пауза.

ЕЛИЗАВЕТА. Ты если крови не хочешь... есть другой вариант. Я – женщина предусмотрительная и запасливая. У меня есть бутылочка черри-бренди... с цианидом. Шприцем через пробку закачивала. Можем Вагнера спеть. Сцену из «Тристана и Изольды». Ту, где они дружненько коллективно травятся. Я даже за Тристана спеть готова.

Пауза.

МАРИЯ. Я не говорила тебе: я ведь детдомовская... Ага! Я даже точной даты своего рождения не знаю: в моей метрике записан день, в который я там появилась. А детдом... а что детдом? Как и любой другой «казенный дом» – будь то богадельня, психушка или тюрьма – это школа выживания. Жестокая, беспринципная... безнравственная... построенная по праву сильного. Это только в детских книжках да советских фильмах рассказывались сказки о каком-то «детдомовском братстве»... о дружбе и солидарности... о взаимопомощи... Боже, какой вздор! Не-ет! Детдом меня вырастил. Детдом меня воспитал. И он же, с легкостью, вышвырнул меня во взрослую жизнь, в которой нет места сантиментам, в которой каждый – сам по себе и, чтобы получить от жизни своё, должен уметь расталкивать других локтями. Но он научил меня главному – выживать в любой ситуации. А вот ты боишься.

ЕЛИЗАВЕТА. Что?

МАРИЯ. Да-да. Ты просто боишься.

ЕЛИЗАВЕТА. Я? Боюсь?!..

МАРИЯ. Жить боишься.

Пауза.

ЕЛИЗАВЕТА. А ведь, и в самом деле, боюсь. Я ведь кроме вот этого – кроме сцены – ничего не умею. (*Через паузу.*) Помнишь... снял когда-то Сидни Поллак замечательный фильм, с не менее замечательным названием: «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?». Помнишь?.. С Джейн Фонда в главной роли... Так вот, мы с тобой тоже – «загнанные лошади». Я ведь, на полном серьезе, хотела вечером, во время спектакля, сначала заколоть тебя, а потом – себя. Поняла – не смогу.

МАРИЯ. А я бы, пожалуй, смогла. «Легко!» – как принято теперь говорить. Потому что для меня – что богадельня, что тюрьма – в принципе, одно и то же... всё тот же знакомый с детства казенный дом. Только мне это не нужно: возвращаться в него я категорически не хочу. Как, впрочем, не собираюсь и на кладбище.

ЕЛИЗАВЕТА. Так что же, по-твоему, нам делать?

МАРИЯ. Не знаю. Когда-то в детстве я читала... то ли басню, то ли стихотворение, не помню... Да и наизусть, разумеется, тоже не помню...

ЕЛИЗАВЕТА. Ха! Удивила! Да у тебя с памятью всегда напряжёнка была!

МАРИЯ. ...а вот содержание почему-то запомнилось. Речь там шла о том, как части тела человеческого переругались между собой, выясняя, кто из них главнее. И знаешь, чем дело закончилось?

ЕЛИЗАВЕТА. Чем?

МАРИЯ. Помер человек-то.

ЕЛИЗАВЕТА. Так то – человек! «Человек – это звучит гордо!» А мы – кто? Так: два недочеловека, только и всего.

МАРИЯ. Ничего подобного! Ты такое умное слово – «СИМБИОЗ» слышала? А «МУТУАЛИЗМ»? Это от латинского «MUTUUS» — взаимный. Очень, знаешь ли, распространенная в жизни форма взаимопользовательского сожительства. Ну, когда присутствие партнера становится обязательным условием существования каждого из них. И, если вдуматься, мы с тобой – как бы друг к другу ни относились – вообще единое существо: ты – мои глаза, я – твои ноги.

ЕЛИЗАВЕТА. Господи! И откуда ты – такая умная – все это знаешь?

МАРИЯ. От верблюда! *(Резко поднимаясь)*. Ладно. Нечего расслаиваться: работать надо!

ЕЛИЗАВЕТА. Что?!..

МАРИЯ. Работать, говорю, надо! Рабочий день еще не кончился.

ЕЛИЗАВЕТА. Но ведь Гудвин...

МАРИЯ. А что – Гудвин?! Не стало Гудвина, так что? Время остановилось? Или молодые талантливые хирурги по всему миру вымерли? Хренушки! Клиника была – клиника осталась! Институт был – институт остался! Ученики были – ученики остались! Ты что, думаешь, никто, кроме Гудвина, на чудо не способен?! Главное, чтобы на это чудо были способны мы! А ты знаешь, что Мила Кунис – звезда "Черного лебедя" была слепа на один глаз? И этого никто не замечал. Великий Остужев, будучи совершенно глухим, гениально играл Отелло.

Саре Бернар ампутировали ногу, но она выходила на сцену и играла до конца своих дней. И как играла! А знаменитый слепой итальянский оперный певец Андреа Бочелли? А Рэй Чарлз! А Стиви Уандер? А наша Диана Гурцкая? А Дэвид Бланкетт, слепой от рождения, ставший главой министерства внутренних дел в правительстве Великобритании? А Эрик Вайхенмайер – первый в мире альпинист, поднявшийся, будучи незрячим, на вершину Эвереста?.. А наши колясочники-паралимпийцы?!..

А чем хуже мы? Да нас с тобой в книгу рекордов Гиннеса вписать можно! Так что – выше голову, подруга! Репетируем!

ЕЛИЗАВЕТА. Что репетируем?

МАРИЯ. Сильву!

ЕЛИЗАВЕТА. Что?!..

МАРИЯ. Сильву, Сильву!..

ЕЛИЗАВЕТА. А не слишком это... легкомысленно?

МАРИЯ. В самый раз! *(Включает магнитофон).* Ну, работаем?

ЕЛИЗАВЕТА. Работаем!

МАРИЯ и ЕЛИЗАВЕТА *(поют).*

Частица чёрта в нас,
В сиянье женских глаз!
И наш коварный взгляд
В душе рождает Ад!
Любви желанный час
Влечёт к нам вечно всех вас,
Так что же, недаром сам чёрт придумал нас!

Они поют и танцуют. «Мария», держась за коляску, танцует ногами, «Елизавета» – руками. И сейчас они – действительно, одно целое. В этом танце они едины.

Ах!..

Без женщин жить нельзя
На свете, нет!..
В нас солнце мая,
В нас любви расцвет!
Тут лёгкий флирт,
Признание там,
Как солнца луч,
Приятны вам.
Без женщин жить нельзя
На свете, нет!

Мы – ваше счастье,
Как сказал поэт!
Трудно сдержать вам слово,
И влюблены вы снова
В нас каждый раз
Хоть на час!

Они поют и пляшут!.. И танец их все быстрее и яростней.

Частица черта в нас
Заклочена подчас,
И сила женских чар
В сердцах творит пожар.
Частица черта в нас
Припасена для вас.
Неотразима
Сила женских чар.

Танец все исступленней. И теперь уже мы видим, что по сцене действительно движется одно – четверорукое, четвероногое существо. Танец продолжается. Медленно гаснет свет.

КОНЕЦ.